

Не анапест, не анапест  
выбирают облака  
петербургские, но адрес  
меж Фонтанкою и Мойкой  
над классической застройкой,  
оживлённые слегка

неземным как будто светом  
изнутри. Какой-то сюр-  
реализм... Гонимы ветром,  
принимают форму (с их-то  
белизной природной!) чьих-то  
битых гипсовых скульптур.

Приблизительно и плавно –  
их расхожие черты.  
Так присядем у фонтана  
в тщетных поисках приюта  
на скамейку, поминутно  
к небу разевая рты –

нет, пожалуй, не анапест  
выбирают облака.  
Щёлк глазами, вот и август  
календарный лист июля  
обрывает. И свою я  
до последнего листка

Обдираю жизнь. Но как же  
о-образны и легки  
облака над жизнью нашей!  
Я прошу, в посмертной тоже  
запланируй их, о Боже,  
вдоль неназванной реки!

# Вечер в кузнечной мастерской

Кузнечная мастерская.  
Обод от колеса.  
Не отводил лица я  
От твоего лица.  
Как выдувала в губы  
Форму горячих слов.  
Словно литьё посуды,  
Вычеканность стихов.  
Выплавка каждой фразы,  
Тонкое ремесло.  
Розы. Рапиры. Вазы.  
Вымышленное родство.

Оконный проём решетчат.  
Лестница на витой  
Ножке. Октябрь. Вечер.  
Час за окном шестой.  
Тени на длинных спинках  
Стульев. Полутемно.  
Шарканье пластинки,  
Точно в немом кино.  
Призрак влетает в двери.  
И на порог – листва.  
Свечи. Подсвечник. Темы  
Гулкого волшебства.

\* \* \*

Русский лес, из которого ну никак.  
Комариный реквием. Куст малины.  
Ты останешься в дураках,  
Потому что рядышком дом Мальвины.  
Пряничный домик, с подпольем и с  
Лестницей словно к иным пределам,  
Под которую долго катился вниз  
Вместе с яблоком перепрелым.  
Сколько лет прошло, а тебя почто,  
Как воришку, помнят недоброй славой?  
Ну, залез в чернильницу. Хорошо.  
Ну, отвадил псов с ментовской облавой  
И лисой Алисой. До слёз смешно.  
А причём тут кукла? Кусок полена?  
Человечек, азбуку и ещё  
Устный счёт не знающий? Где таверна,  
Где твои попутчики из блатных  
Угощались водкой на все, без сдачи?  
А всего и было пять золотых,  
Под язык заложенных наудачу.

# Венчание

Михаила Архангела,  
Ленина двадцать два.  
Перекрашена на́бело  
Словно кистью крыла:  
И впотьмах выделяется,  
Как бы вне тёмных сил.  
Если грешники каются  
И хватает белил,

Наступление полночи –  
Только смена числа.  
Здесь венчались мы. Помнишь ли,  
Как ты сердце несла  
К алтарю! И горела вся  
Изнутри, как в чуму!  
И клялась в своей верности!  
Я не знал, почему

Так бывает, но чувствовал:  
То сгорает душа-  
Одиночка. И лучше нам  
Наблюдать не дыша,  
Как две тени отдельные  
Превращались в одну.  
Был канун понедельника...  
...И я знал, почему.

\* \* \*

Ноябрьскому солнцу натошак  
Ноябрьское утро и не снилось.  
Заброшенность на лицах и вещах.  
Озимые и те ушли на силос.

В карманах – моль. Подстрижены под ноль  
Кусты в саду. Когда-то были кущи.  
И если кто и пел здесь, то лишь мой  
Залётный ангел, беды мне влекущий.

Лети, лети. Маши одним крылом,  
Подбитый мой, я хода не убавлю.  
И не вздохну нечаянно о ком-  
Нибудь. И ты, о, Господи, не дай мне

Замедлить шаг! А если что не так,  
И на одном меня крыле подхватит  
Мой сизокрылый падающий Як.  
Мой низкоплан. Спаситель мой. Спасатель.

То журавль, а не синица  
в облаках набивного ситца.  
И тем лучше, что не в руках.  
Присмотрись, как ложатся тени  
на пришедшую в запустенье  
нашу осень. И в дураках

там, внизу, остаются люди,  
не мечтающие о юге  
и не смеющие в проём.  
Как от крыльев, гляди, по небу  
рябь расходится. И на средю  
то ли дождь, то ли снег с дождём.

Исчезай под прощальным взглядом,  
перелётная тень. Мы рядом,  
здесь, внизу, если что. Мы вот:  
у окна две застывших точки.  
Мы ведь тоже поодиночке,  
по отдельности, в свой черёд,

час настанет, отсюда выйдем  
горизонтами с лучшим видом.  
Хоть бескрылы, а полетим,  
не готовые к перелёту...  
Может, сядем уже на воду,  
раз не сбиться нам в птичий клин?!